

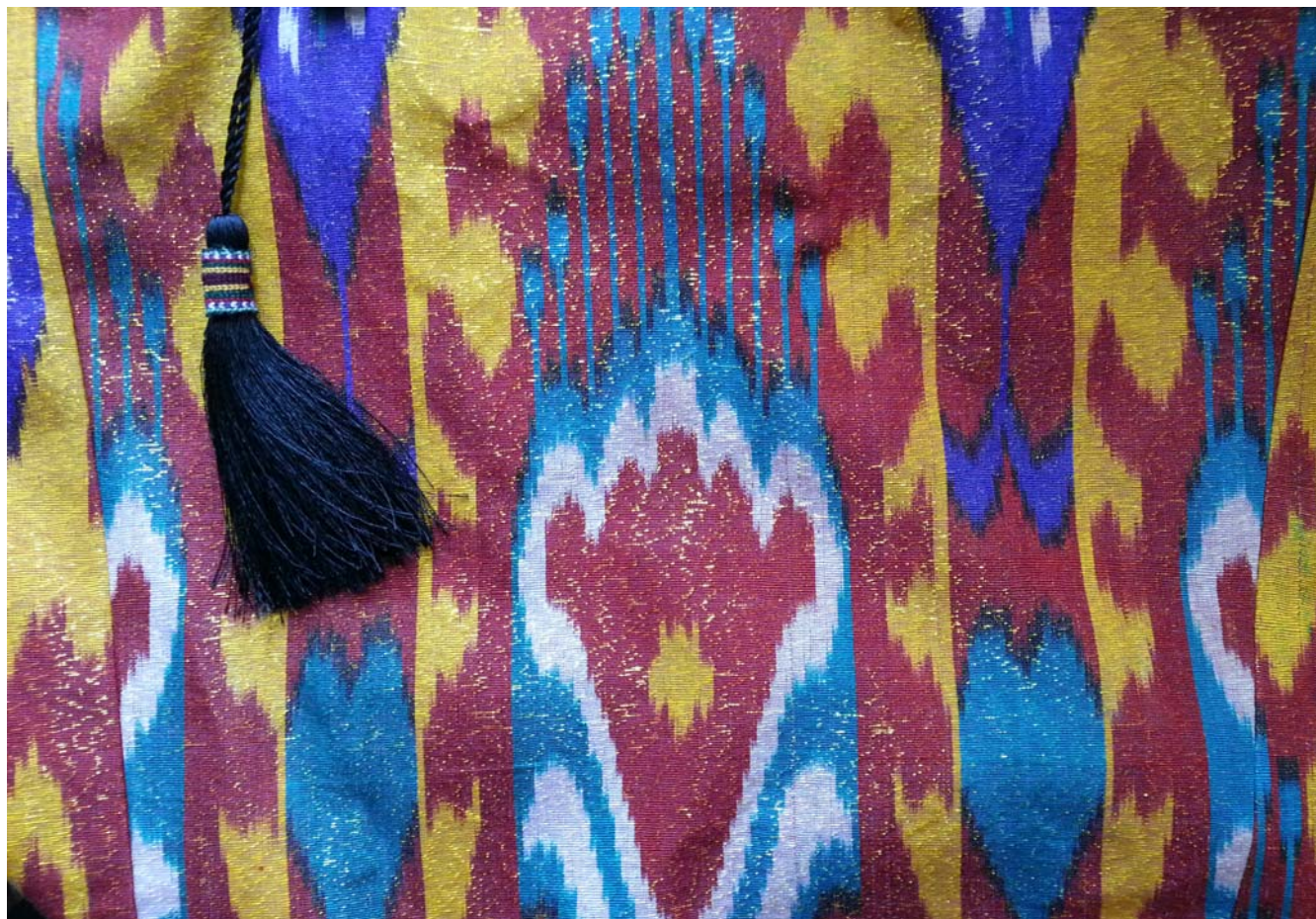
# Невыносимая легкость красоты, или Семь цветов счастья абровой ткани

Ольга Шкарпеткина

*...Когда я сильно устаю, я вспоминаю вязкий мед ташкентского солнца... Керамический блеск виноградных листьев, тяжелые брусы янтарных, слезных на срезе, сушеных дынь, светящуюся изнутри золотую плоть абрикосов, сладкую истому черной виноградной кисти с желтыми крапинами роящихся ос.  
Из дому надо выходить с запасом тепла — мне до сих пор тепло, благодарение Создателю.*

Дина Рубина,  
«На солнечной стороне улицы»

*Из коллекции Ирины Токатьян. Фото автора*



*Достаточно просмотреть фотографии, на которых запечатлены узоры техник иката и сюзане, чтобы понять: первое, что тебя к ним таинственно притягивает — это, конечно, цветовая палитра. Цветотерапия — начальный этап вовлеченности в магию восточного орнамента. Но когда сама ткань находится перед тобой и ты можешь к ней прикоснуться, пощупать или даже примерить — вот тут начинаются чудеса, объяснения которым трудно подобрать. Наверное, потому, что, прежде всего, мы имеем дело с очень древним искусством, сакральным искусством, неторопливым искусством, вдруг оказавшимся органически вписанным в нашу суматошную действительность.*

**П**режде чем начать разговор о том, что такое икат — «правильный» икат — и как его использовать, уясним, что мы обращаемся к исламскому искусству, орнаменту, у которого свои очень четко сформулированные задачи и законы.

Вне зависимости от стран и культурных традиций, а также видов орнамента (архитектурный, книжный, текстильный), у всех этнических разновидностей исламского узора есть *loci communes*. Широко известно, что в исламе существует запрет на антропоморфные и зооморфные изображения, который отражен в типологии орнамента — растительный (ислими) и геометрический (гирих), однако это табу мастера-художники умело нивелировали, вплетая в свои полотна птиц (часто это сымург, павлины) и мифологических животных (грифоны, львы, джейраны и пр.). Градации «жесткости» запретов были различны в разных мусульманских странах, иначе мастера никогда бы не пришли к такому виду изобразительного искусства, как миниатюра, где присутствуют люди и вполне реальные исторические деятели (знаменитые персидские шедевры). Но и миниатюра все равно выстроена в соответствии с религиозной ментальностью: художник отображает мир таким, каким видит его с небес Аллаха (отсюда микроформат и специфический ракурс). Что касается мира растений и цветов, то уж здесь исламские живописцы не знали ограничений: увлекательной игрой становится разгадывание растительных пиктограмм, превращаясь, по замыслу художников, в прогулку по дженнету — раю, «саду Аллаха», в котором один из главных символов (и часто повторяю-

щийся цветочный мотив) — тюльпан узнаваемой формы «армут» с зауженной сверху чашечкой, а также райский плод — гранат (именно им была соблазнена Ева), утопающий во всевозможных розах, ноготках, гиацинтах, распушенных гвоздиках, соединенных причудливыми медитативными переплетениями. «Преданность» тюльпану как самому типичному цветочному образу в керамике, шелке, ковровых изделиях и прочем объясняется тем, что этот цветок, по одной из теорий, завезенный в Европу из Турции (а не наоборот), обладает не только удивительной красотой и яркостью художественных интерпретаций, но и глубоким духовным смыслом: турецкое название «*lâle*» является фонетической анаграммой имени Всевышнего, поэтому, например, в Османской империи тюльпан был символом правящей династии — власти и царственности султаната, поистине «королевским» цветком.

Те же «общие места» можно обозначить и в цветовом решении в искусстве разных народов Востока. Традиционный и священный цвет ислама — зеленый — будет присутствовать практически везде (он чудесно созвучен с растительным миром трав и цветов), красный — цвет любви, крови, жизни, самый трудоемко изготавливаемый краситель, а потому самый ценный, небесный синий — от лазури до индиго — и его «брат» туркуаз (многолика бирюза)... Колористический шифр во многих случаях становится узнаваемым кодом: триединство белого, синего и красного (иногда с примесью зелени), скорее всего, отошлет нас к знаменитым произведениям изникских керамистов периода расцвета Османской империи,



Из коллекции Ирины Токатьян. Фото автора

ну а техника иката строго заключена в принципе «семи цветов счастья» — ровно столько оттенков можно насчитать на правильном икате.

Цитатность, повторение орнамента (стремление в бесконечность) и так называемая «боязнь пустоты» — еще одно незыблемое правило арабески, которое при нарушении или неумелом «внедрении» в него, безграмотной компоновке, может превратить произведение в безвкусный, пестрый и, что важно, бессмысленный артефакт, какофонию звуков. Многие исследователи сравнивают исламский орнамент — арабеску — с музыкой. Орнаментальный декор исламских художников, подобно музыке Востока, мерно и плавно льется по поверхности, буквально заставляя нас услышать его песнь — ибо это именно песнь, не просто музыка, но слова, положенные на музыку.

Нарративность — вот, пожалуй, центральное понятие восточного узора. С какой бы стороны, точки зрения мы ни подошли к нему — это рассказ, а обобщенное — текст. И вот эта безусловная семиотичность текстильного орнамента как раз и создает большие затруднения при работе с тканью, если подразумевается не покрывало или панно, а, например, одежда, требующая выкройки: шить из такой ткани все равно что кустарно подогнать «Джоконду» Леонардо да Винчи под раму

произвольного формата. Но и здесь восточные мудрецы нашли гениальное по своей простоте решение. Какое? Спросим у того, кто непосредственно работает с тканью, долгое время изучает ее историю и свойства, те самые ее законы, о которых шла речь выше, — и, как показывает практика, делает это очень и очень успешно.

Традиционный икат — это сложнейшая и выполняемая исключительно вручную техника ткачества: нити стягивают в пучки, а затем поэтапно окрашивают в определенные цвета. Существует много версий происхождения этой техники. По одной из них, родина иката как древнейшего ткацкого ремесла — Индия и Индонезия. По другой, она локализуется на территории современной Средней Азии — подлинного культурного глубоководного колодца, воды которого долгие века насыщались влиянием многих народностей: тюрки, персы, арабы, монголы... Уникальной жемчужиной выделялась здесь Ферганская долина — природная мастерская маргиланских ткачей и риштанских гончаров, редким алмазом сиял Самарканд — центр искусств и столица огромной империи, триумфально воссозданной Тамерланом, процветала дивным садом Бухара... Ферганская долина и Ташкент, входящие в число богатых регионов Узбекистана, были узловыми пунктами на древнем «Шелковом пути». «О широкой славе бухарс-



*Красота в деталях. Фото Насти Дрожжиной*

ких и самаркандских тканей свидетельствуют историки X века — Наршахи, Макдиси и другие. По их сообщениям, местные ткани вывозились в Багдад, Хорасан, Египет, Сирию, Византию и другие города, — читаем у известного искусствоведа Нафисы Садыковой, много научных работ посвятившей исследованию истории национальной узбекской одежды и аксессуаров. — В середине XIX века во многих городах (Бухаре, Самарканде, Шахрисабзе, Маргилане и др.) производились и славились различные виды высококачественных тканей, исполненные национально-своеобразия и оригинальности».

Икат характерен не только для Узбекистана, однако именно узбекский отличается тем, что рисунок наносится лишь на нити основы, уток же — поперечные нити ткани — остаются одноцветными. Ткань получает красивый и сложный по цвету отлив. Среди ремесленников Узбекистана этот орнамент называется «абрбанд», что в переводе означает «обвязанное облако» (само слово «икат» трактуется как «плести, переплести»), поэтому эти этнические мотивы часто именуют «абровой тканью». Таким образом, икат — это и текстильная техника, и хорошо узнаваемый орнамент, полученный в результате этой техники, но корректнее именовать сам узор, бесконечный и тающий, как облако, «абром».

Самый лучший, самый ценный, да просто самый красивый икат — узбекский, уверена дизайнер Ирина Токатьян, автор проекта “Ikat & More”. Линия ее одежды и аксессуаров выполнена исключительно из абровой ткани, причем той самой ручной работы: материалы Ирина закупает сама на рынках Ташкента, Самарканды, Бухары, выбирая сотканную вручную, винтажные — те, которым больше пятидесяти лет, состарившиеся в калымных сундуках. Розыски материала занимают много времени, ведь на сегодняшний день, к сожалению, прекратили работу крупные ткацкие комбинаты Узбекистана (самый известный — в городе Маргилан Ферганской долины). Знаменитый бельгийский модельер Дрис Ван Нотен, в начале двухтысячных посетив Маргилан, был очарован икатом и создал из купленной там ткани потрясающую коллекцию, повторив восторг коллекции американца Оскара де ла Рента. Тенденция «исламизации» моды сегодня активно подпитывается все новыми и новыми европейскими презентациями одежды из иката от мировых кутюрье...

О ткани Ирина говорит с нежностью и почтением — в конце концов, это она, ткань, тут царица бала: — Я вижу ткань, знаю эту ткань, которая подталкивает меня на идеи, — объясняет автор и сразу переходит к показу своих произведений. — Вот хан-атлас редкой расцветки «вороний глаз» за счет синих всполохов, с эффектом «3D», на нем рапорт, то есть орнамент, отображенный зеркально, и этот рапорт можно расположить при пошиве по-разному, но важно продумать так, чтобы была учтена символика рисунка, а также не упустить из виду, как он будет смотреться на фигуре. Видите шелковый уток? Эта ткань двусторонняя, на изнанке проступает рисунок... А вот старинный крепдешин, потрогайте — как масло!.. Сейчас такие ткани не делают, это старые, еще советские, запасы знаменитого Маргиланского шелкового комбината «Ёдгорлик», и эти запасы катастрофически тают! Ныне утрачены станки, технологии, краски, техника смешивания красок, и моя задача — ту ускользящую красоту, которая была тогда создана, которая передавалась из поколения в поколение, дарить в изделиях.

**— Ирина, расскажите, как москвичка заинтересовалась восточным орнаментом, тканью? С чего все началось?**

— Началось все задолго до моего рождения. Во время Великой Отечественной войны семья моего деда была вынуждена эвакуироваться из Москвы в хлебный Узбекистан. Я родилась и выросла в Ташкенте, прожила там больше тридцати лет, поэтому здесь все мне родное, понятное и любимое. Конечно, на традиционную одежду я тогда взирала, не имея в голове никаких планов и проектов. Ту радугу, о которой говорят при упоминании иката, традиционно называемого «семь цветов счастья», видела каждый день — в улыбках соседей и друзей, в насыщенной добром и достатком крепкой семье, в дружелибии и гостеприимстве щедрой своей хлебосольной малой родины. Знаете, говорят: люди, которые родились в Средней Азии — они пропитаны солнцем!.. Закончив энергетический факультет Ташкентского политехнического института, одиннадцать лет проработала инже-

нером. Переехала в Москву, где пришлось вести борьбу за выживание: много ли в постперестроечной Москве платили инженеру? Нужно было помогать мужу, растить детей. Пришлось сесть за парту: сперва закончила подготовительные курсы при Строгановском художественном училище — не умея рисовать, первый раз взяла в руки кисть, была в свои тридцать пять как динозавр среди студентов, наблюдала, восхищалась талантом молодежи. Затем последовали курсы Международной школы дизайна, компьютерные курсы, курсы мерчандайзинга... Скупала книги по национальной культуре, искусству орнамента, ткани — и решила во что бы то ни стало разгадать алгоритм традиционного чапана.

— *Чапан — это восточный кафтан?*

— Верно. На Востоке, в Центральной и Средней Азии, его носят и мужчины, и женщины.

Мастер снимает с вешалки чапан, напоминающий своим орнаментом северное сияние, а цветами радугу после дождя, и продолжает рассказ:

— Я инженер, график, работала с чертежами и понимаю, что если сложная конструкция этого рисунка-орнамента повторяется, значит, она должна очень грамотно использоваться в изделии. Резать его на вытачки — кощунство! Это красота мысли художника, которую нужно просто передать. Я стала изучать книги по технике ткани, рас-



Фото Насти Дрожжиной



сматривала старинные одежды, ходила по музеям Бухары и сделала вывод: чтобы показать уникальность ткани, шьется платье по простой выкройке — абайя. Она — основа для чапана (кафтана), рубашки, длинной блузы (что мужская, что женская, абсолютно одинаковы, единственно — женская может быть немного присобрана, чтобы слегка подчеркнуть фигуру). Получается, что одной выкройкой (поклон мудрецам!) я пользуюсь для всех своих моделей, а мое инженерное образование дало мне экономность в использовании ткани.

— *Вы очень трепетно относитесь к ткани, из которой шьете, будто она может мыслить...*

— Ткань, о которой мы сейчас говорим, — икат — ценилась на вес золота. Об этом свидетельствует правило: ни один лоскуток не выбрасывался, обрезки шли на отделку другой одежды либо на ремонт, пошив утвари, внутреннюю обработку чапана. Связано это с невероятно сложной ручной технологией производства.

— *Расскажите, пожалуйста, о ней поподробнее.*

— Изготовление ткани я лично видела в детстве, и для

меня это был настоящий шок. В помещении, наполненном ветками тутовника и личинками тутового шелкопряда — гусеницами, выращивают коконы. Когда коконы сформируются, их перебирают женщины, и вот тут нужно поймать момент созревания кокона, чтобы личинка не успела его прогрызть, тем самым повредив драгоценную шелковую нить. Затем коконы — с еще живой личинкой внутри! — варят в кипятке, личинка погибает, чтобы дать людям шелк. А после этот кокон — двадцать метров шелковой нити — необходимо размотать и нанести на раму. Далее следует долгая методика окрашивания в намотке, создание единственного в своем роде рисунка.

— Ирина, рассматривая чапаны, я вижу, что везде разный состав ткани, не только шелк. Я права?



Фото Насти Дрожжиной

— Конечно, в данной технике используются разные ткани, их состав зависит от наличия шелка и хлопка. Например, адрас — это смешанная ткань, шелковая с добавлением хлопка. Шелк шойи очень мягкий и изящный, а самым ценным считается роскошный хан-атлас. Как это принято на Востоке, с его происхождением связана старинная легенда. Однажды падишах задумал взять в гарем дочь ткача, но предложил ему альтернативу — создать ткань, которая по эмоциям превзошла бы те чувства, что вызывает в нем его дочь. Опечаленный ткач сел в раздумьях у ручья. Прошел дождь, и мастер увидел радугу, которая отражалась в воде, почувствовал прохладу ручья, и тогда он сказал: «Я знаю, что я хочу сделать», — Ирина не скрывает эмоций: — Все, здесь я начинаю плакать!.. и сотворил ткань, которая была нежная, как дуновение ветра, прохладная, как ручей, яркая, как радуга, и назвал ее «хан-атлас» («хан» — то есть «повелитель»).

Я решила задать дизайнеру провокационный вопрос: насколько востребована в нашей стране, к тому же в

столичном мегаполисе, одежда, неизменно воспринимаемая не только как узко этническая, национальная, но и являющаяся маркером принадлежности к Средней Азии, с которой у российских обывателей еще со времен перестройки связан, увы, негативный социальный стереотип? И логично вытекает дополнительный вопрос: а как носить такую «смелую», привлекающую взоры прохожих яркую одежду, в повседневной жизни? При этом отмечу, что сама Ирина выглядит безупречно элегантно и удивительно современно, демонстрируя чапан.

— Равнодушных я не видела, — отвечает Ирина. — Бывает непонимание, снисхождение — «ну, это узбекская вещь»... Я думаю, что пренебрежение диктуется скованностью, неуверенностью, ведь, надев чапан, нужно быть готовым к комплиментам, вниманию. Compliments неизбежны — я ходила в чапане на родине, подходили люди, старики, обнимали, благодарили... С удовольствием ношу в Москве и летом, и зимой (утепленный простеганный вариант). Другой вопрос — как носить?

Эта одежда очень сложная. Если ты стремишься к самовыражению, то она будет играть на тебе, в противном случае будешь выглядеть, как аниматор. Нельзя быть стильной женщиной в стильной одежде, которая вам не идет. Но надев ее, ты чувствуешь себя защищенным, ведь защита — это закодированный смысл любого орнамента. Обратите внимание — почти к каждому чапану я, согласно правилам, пришиваю кисточку-оберег — джамалак. Сначала клиентам было непривычно такое украшение, а теперь при заказе изделия они обязательно подчеркивают: «И «хвост»! «Хвост» не забудьте!»

Как мы видим и как объяснила моя собеседница, ценность абайи не только в полном сохранении рисунка, а значит огромного труда мастеров-художников, но и в успешном внедрении ее в современный гардероб: чапан идеально сочетается с любыми брюками, джинсами, белой рубашкой, однотонным платьем, просторная абайя-сарафан, емко названная автором за комфортность и уют «санаторий», — с обычной футболкой, и тогда нежная «как масло» ткань дышит и живет. Деликатность, если угодно, тактичность, беспрекословное благоговение и типичная для восточной ментальности церемониальная вежливость — вот те художественные принципы, которыми оперирует Ирина Токатьян в своей работе по превращению узкого (ширина до сорока сантиметров) отреза ткани в готовое изделие.

*— Ирина, не скучно ли вам как творцу быть замкнутым в рамки прямоугольника выкройки абайи? Внедряете ли вы какие-то свои know how?*

— Наоборот — абайя дает большой простор воображению! Идеи, безусловно, рождаются — например, карманы, которых изначально нет на народном чапане, или пояс, который я трансформировала так, что он приспосабливает ткань в области талии, а спина остается прямой, полностью раскрывая орнамент. Порой идеи подсказывает сама жизнь и рациональное мышление: от безысходности начала использовать в пошиве чапана лен и джинсовую ткань, когда поняла, что иката хватает только на подкладку. Так спонтанно родились чапаны с уникальным и очень востребованным у нас принципом: скромные снаружи, роскошные внутри.

Мастерица снимает с вешалки графичное сине-белое абровое платье, сдержанное и почти простое, отворачивает край подола — а там «синь сосет глаза», васильковый всплеск, скомпилированный автором! И тогда воочию понимаешь всю прелесть красоты, скрытой от глаз, мудрой и неброской, ненароком, с дуновением ветра открывающейся только избранным — очень чувственно и элегантно. И в этом концепте подклада, который важнее стороны напоказ, вся человеческая философия моей гостьи, идущая в унисон с мусульманской философией. «Скромно, просто снаружи — изысканно, нарядно внутри» — по такому правилу строятся мечети. Чем богаче и сложнее духовный мир человека, тем проще он выглядит и держит себя: внутреннее важнее внешнего. Вот почему интерьерам и внутреннему убранству мечетей придавалось столь большое значение,

тщательно продумывались не только колористическое и архитектурное решения, но и их подача, аккомпанемент естественным освещением, игра света, наличие «воздуха» и простора в инженерном проекте.

В коллекции Ирины есть старинный чапан 60-х гг. прошлого века и тот, которому около ста лет. Он цвета стебля сельдерея, в идеальном состоянии, не считая небольших шероховатостей. Ирина раскладывает ткани: лимонная с мятой, клубнично-ванильная с лавандой, цвета жженого сахара, теплого меда, лаконичная лакированная — ловишь себя на том, что для характеристики абрового колора, начинаешь, подобно писателю Эльчину Сафарли, мыслить эпитетами, апеллирующими к вкусовым рецепторам. Покупая ткань, Ирина точно знает, какой оттенок можно принять, а какой считается «неестественным», «неправильным». Причудливые системы вырисовывают тюльпаны и змей, убыстряются орнаментом «расческа» — мелким и самым ценным. Если орнамент Востока подобен звучащей музыке, то узоры иката как нельзя более точно соответствуют этой метафоре, напоминая джазовые импровизации, кардиограмму влюбленного сердца...

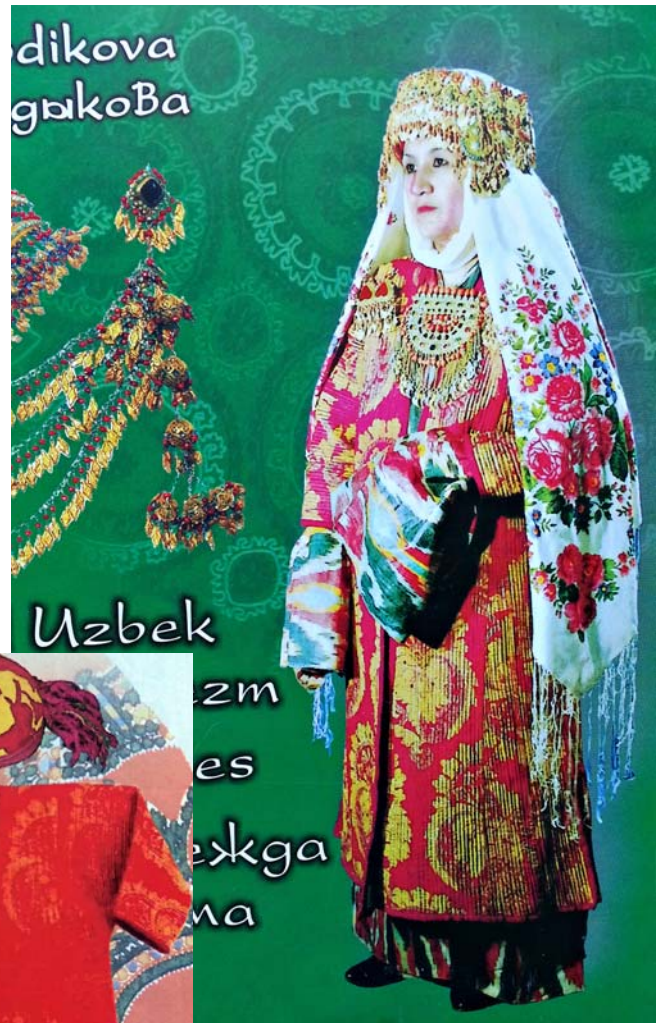
Рассказывая про свои рационализаторские изобретения, Ирина не упомянула, что, наверное, впервые в практике кутюр сшила чапан из еще одной легендарной узбекской ткани — сюзане. Чтобы понять все новаторство, вспомним, что сюзане — это сложнейшая вышивка, использовавшаяся в интерьерном декоре и в пошиве элементов одежды. И снова задача-максимум: сохранить, сберечь красоту и труд старинной ручной вышивки, соблюсти адекватность, гармонию, правила.

Если «икат» означает все, что связано с плетением, то «сюзане» — все, что связано с шитьем иглой. Чтобы стать хорошей и востребованной восточной невестой, нужно шить себе приданое, и вышивке здесь отведена ведущая роль. Сюзане — это не просто красивая вышивка: по принципам текстильного нарратива, это рассказ юной девушки о себе, о своей жизни и характере, мечтах и надеждах. Чем искуснее и интереснее «повествование», чем талантливее рассказчица, тем желаннее она была для сватовства.

Один из важнейших этапов создания сюзане — эскиз. Эту работу выполняли специальные мастерицы-рисовальщицы — чизмакаш (от «чизма» — «рисунок») или каламакаш (от «калам» — «перо»). Чизмакаш — настоящая элита народных умелиц, профессия рисовальщицы переходила по наследству от матери к дочери с обязательным обрядом посвящения — получением разрешительной молитвы «Аль-Фатиха». Без благословения заниматься рисованием узоров сюзане считалось неэтичным и даже опасным. Чтобы в полотно будущей невесты ненароком не «вплелось» что-то недоброе, вышивальщица оставляла в вышивке так называемые «ловушки» для злых духов — заранее неправильный или несимметричный узор, как бы некую цветовую небрежность, брак. Увлечшись рассматриванием орнамента, нечисть обязательно «попадется» в такую «ловушку» и

забудет, за какой надобностью заглянула в дом. Часто на сюзане оставляли лакуны, недошитый край, чтобы следующее поколение невест в семье могло его продолжить. Так орнаментальный «рассказ» становился «романом-реккой». Мы помним про внимание к «изнаночной» стороне в любом исламском произведении искусства — в вышивке сюзане изнанка безупречна. Мельчайшие узелки аккуратно и тщательно сформированы, демонстрируя огромный кропотливый труд и бескрайнее терпение женщины-мусульманки.

«Сюзанный» чапан Ирины на редкость прост и мобилен, при всей сложности и семантической объемности винтажной вышивки. Дивишься, почему никто не догадался по-новому взглянуть на эти ткани, отойти от шаблонов и стереотипов и взять их в руки, будто бы впервые. Мне думается, Ирина смогла. По крайней мере, она бы очень этого желала. В общении с тканью она, безусловно, поймала ритм. Об этом говорят не только признание в профессиональных кругах, одобрение име-



*Русско-узбекские связи в народном costume: Costume молодой женщины. Хива, кон. XIX - нач. XX века. Фото из кн. Н. Садыковой «Национальная одежда узбеков Хорезма XIX - XX вв.». Ташкент, «Шарк», 2007*



*Русско-узбекские связи в народном costume: Женские халаты «елак». Хива, XIX в. Фото из кн. Н. Садыковой «Национальная одежда узбеков Хорезма XIX - XX вв.». Ташкент, «Шарк», 2007*

нитых коллег, среди которых историк моды Александр Васильев, директор Института дизайна и рекламы Международной академии бизнеса и управления Андрей Сафинин, приглашения на выставки и показы, но, прежде всего, сами ее произведения. «Делай то, что тебе нравится, для людей, которым нравится то, что ты делаешь», — любит повторять она. И мне кажется, что этим кредо много столетий тому назад руководствовались древние художники, архитекторы, каллиграфы, ткачи такого многоликого исламского искусства, будто призванного Всевышним своей «невыносимой» красотой и

музыкальной гармонией приветствовать восходящее на Востоке солнце.

...Листая страницы альбомов, красочно повествующих о традициях национальной узбекской одежды XIX—XX веков, я с удивлением отметила, как в облик узбекских женщин и в их гардероб органично вписан... русский павловопосадский платок. Иные берега на самом деле не так уж далеки друг от друга, их всегда соединяет прочный мост вековых устоев, общенародных заимствований, художественных созвучий — и еще хорошего правильного вкуса. **ИБ**